

Любовь Чернега

Никто не собирался умирать

Любовь Чернега

Никто не собирался умирать

«Автор»

2026

Чернега Л.

Никто не собирался умирать / Л. Чернега — «Автор», 2026

Когда из своей квартиры исчезает самый активный и самый неудобный сосед, Лариса Павловна, пенсионерка с безупречной гражданской позицией и сомнительными детективными навыками, понимает - ждать полиции бессмысленно. Слишком уж много подозрительных людей вокруг. И слишком многие вздохнули с облегчением. В ход идут пирожки, сломанные провода, пробежки во дворе, бомж с неожиданным прошлым, блогер с миллионами просмотров и участковый, который слишком часто оказывается рядом. Расследование постоянно срывается, улики путаются с мукой, а добрые поступки подозрительно напоминают мотив. Это ироничный детектив о том, как легко стать подозреваемым, если ты живёшь среди хороших людей. О том, что иногда бизнес - лишь прикрытие, а истина прячется не в подвалах, а в чужих почтовых ящиках.

© Чернега Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Внимание, ситуация!	5
Коллективное ожидание	8
Где труп?	10
Безопасность – 50%	12
Из бдительницы – в подозреваемые	14
Блокнот	16
Следующая жертва	18
О пользе травм и вреде пиццы	20
Новые подозреваемые	22
Активная позиция – не алиби	23
Попытка быть объективной	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Любовь Чернега

Никто не собирался умирать

Внимание, ситуация!

Все началось с гантели.

Гантель была чугунная, честная, советская – такая, которую не покупают, а находят: в кладовке, на балконе или в жизни. Лариса Павловна уронила её случайно. Не потому что была неосторожна, а потому что в семь утра решила, что пять приседаний ещё никому не вредили.

Гантель не согласилась. Она выскользнула из рук, ударилась о линолеум, подпрыгнула и с глухим, обидным звуком «бум» напомнила всему дому, что физкультура опасна.

Лариса Павловна замерла.

Первым её движением было не поднять гантель. Первым движением было – посмотреть на потолок.

– Ну всё, – сказала она вслух. – Сейчас начнётся.

Сверху жил Аркадий Семёнович Донцев. Человек, который считал тишину формой власти.

Обычно сценарий был отработан до автоматизма:

1. Происходит любой звук.
2. Проходит ровно сорок секунд.
3. В дверь звонят.

Аркадий Семёнович стоит с папкой под мышкой и говорит:

– Я, разумеется, не жаловаться, я – зафиксировать.

Иногда он даже не приходил. Он сразу куда-то писал. Жалобы у него были как дыхание – жизненно необходимые и регулярные.

Лариса Павловна присела на табуретку, гантель осталась лежать, как улика.

Прошло сорок секунд. Прошла минута. Прошло две.

Ничего.

Она напрягла слух. Ни шагов. Ни кашля. Ни характерного скрипа его двери – он никогда не смазывал петли, считал, что скрип дисциплинирует.

– Странно... – сказала Лариса Павловна.

Она подождала ещё. Даже чайник не включала – на всякий случай. А о физкультуре вообще забыла.

Прошло пять минут. Была надежда, что впервые за 16 лет проживания Аркадия Семёновича в этом доме в качестве активного пенсионера, на неё не пожалуются.

Но это было не облегчение. Это просто было неправильно. Лариса Павловна встала, подошла к двери и осторожно приоткрыла её, словно ожидала увидеть там что-то опасное.

На лестничной площадке было пусто. Лампочка мигала. Запаха свежих жалоб не ощущалось.

Она посмотрела вверх, там, над ней была дверь квартиры 47 – дверь Аркадия Семёновича Донцева.

– Может, умер, – сказала она без злобы, почти с надеждой, и тут же добавила. – Тьфу ты, Господи прости.

Но мысль осталась.

Ларисе Павловне был 61 год, и спорт в её жизни до недавнего времени присутствовал исключительно в форме пульта от телевизора, который иногда приходилось поднимать с пола.

Но весна действовала на неё подозрительно. Во-первых, подруга детства, которая выглядела лет на 10 младше своего возраста, сказала, что «после шестидесяти худеть поздно». Во-вторых, зеркало в прихожей стало смотреть как-то осуждающе. А в-третьих, впереди маячило лето – страшное время, когда все вдруг раздеваются и начинают сравнивать себя с другими, даже если не хотят.

Гантель была найдена случайно на балконе. Две. Но на вторую Лариса Павловна посмотрела осуждающе, потому что считала, что две гантели – это уже спорт, а к такому она морально не готова.

Вообще, Лариса Павловна была женщиной деятельной. Если в доме что-то происходило – она знала почему, кто виноват и что будет дальше. Она знала, кто с кем не разговаривает с девяносто восьмого года, кто пьёт, кто «только по праздникам», а кто «делает вид». Сплетницей её называли только те, кто забывал, что сам всё ей рассказал.

Аркадия Семёновича Донцева она знала столько, сколько знала себя в этом доме. То есть – всегда.

Никто точно не помнил, когда он появился. Казалось, что дом построили вокруг него. Знали точно, что он: военный, который сейчас на заслуженной пенсии, вредный, принципиальный и любит писать. Писал он всем. И всегда.

Он писал так, как другие дышат: спокойно, уверенно и с убеждённостию, что делает полезное дело. Его папка с жалобами была, наверное, толще, чем его биография.

Поэтому отсутствие реакции после падения гантели выглядело тревожно.

Лариса Павловна ещё раз посмотрела на потолок. Потом на телефон. Потом снова на потолок.

И сделала то, что делала при любой внештатной ситуации. Она позвонила участковому. Не потому что хотела жаловаться. А потому что тишина после любого шума в этом доме не означала ничего хорошего.

Участкового звали Сергей Иванович, и он жил в соседнем подъезде (по иронии судьбы, которую он давно перестал считать иронией). Сергей Иванович служил участковым уже восьмой год и последние три из них раздумывал о переезде. Контингент в этом доме был сложный. Каждый второй считал себя обиженным, каждый первый – правым, а каждый третий – экспертом в области права, медицины и воспитания соседей.

– Сергей Иванович, – сказала Лариса Павловна таким тоном, каким сообщают о чём-то важном, но не хотят пугать. – У нас тут ситуация.

– Лариса Павловна, – вздохнул Сергей Иванович. – Если опять ситуация, где вам показалось...

– Мне не показалось, – перебила она. – У меня гантеля упала.

– И?..

– А Донцев не вышел.

Пауза.

– Донцев?... – растерялся участковый. – Лариса Павловна, – осторожно сказал он. – Люди иногда не выходят.

– Сергей Иванович, ему шестьдесят пять!

– И?..

– Он всегда дома в семь утра. Всегда!

– Может, спит.

– Он никогда не спит в это время.

Было слышно, как Сергей Иванович потёр переносицу.

– Лариса Павловна, я уверен, что с Аркадием Семёновичем ничего страшного не произошло, но если вы хотите, я после работы зайду.

– Сергей Иванович! – сказала Лариса Павловна тоном, которым заканчивают разговоры. – Тут лучше перебдеть. Вдруг что.

Он хотел сказать, что «вдруг что» – не основание. Но не сказал.

– Хорошо, – вздохнул он. – Зайду. Обещаю.

Участковый положил трубку и посмотрел в окно. Мысль о переезде снова показалась ему очень здоровой.

А Лариса Павловна положила гантель обратно в пакет и решила, что спорт – дело хорошее, но сейчас не до него.

Коллективное ожидание

К вечеру Лариса Павловна знала о ситуации не больше, но гораздо шире.

Она обсудила её: с Ниной Степановной из пятидесят второй (та сразу сказала: «Я так и знала»), с супругами Капустиными (они знали меньше, но тревожились охотнее), с мужчиной в спортивном костюме, который жил в доме всего полгода и потому слушал с выражением человека, попавшего в сериал с середины сезона.

В дверь Аркадия Семёновича Донцева звонили. Сначала Лариса Павловна. Потом Нина Степановна – «на всякий случай». Потом ещё раз Лариса Павловна – «погромче». Потом кто-то постучал по дверной коробке костяшками пальцев, потом – ключами по ней же.

Дверь квартиры номер 47 молчала, как и внутри неё.

К этому времени слово «ситуация» произносилось уже с большой буквы и уважением. Народ стоял у подъезда, и активно выдвигал теории, что могло случиться.

Когда в поле зрения, наконец, появился участковый, толпа среагировала мгновенно – все тут же обратили взгляды в его сторону. Сергей Иванович испуганно отшатнулся и по его бегающим глазам стало ясно, что он паникует. Но он быстро взял себя в руки и расправил плечи.

Он с важным видом прошёл мимо толпы, и зашёл в подъезд. Народ с криками ринулся за ним – кто-то сзади, кто-то сбоку, кто-то просто побежал, не до конца понимая зачем, но не желая опоздать.

– Тише! – сказал Сергей Иванович автоматически, хотя понимал, что это бесполезно.

У двери Донцева столпились все. Дышали осторожно. Смотрели выразительно.

Участковый позвонил сам. Долго. С нажимом. Ничего.

– Значит так, – сказал он, оборачиваясь к собравшимся. – Я могу только звонить. Ломать, вскрывать, заходить – не могу. Нужны основания, ордер, МЧС, что угодно, но не «вам показалось».

– Мне не показалось, – сразу сказала Лариса Павловна.

– Я понимаю, – устало ответил он.

– Это нетипично! – вмешалась супруга Капустина.

– Он всегда жалуется! – добавил кто-то сзади.

– Он даже когда в больнице с аппендицитом лежал, писал! – заметил кто-то, кто почему-то заполнил этот эпизод десятилетней давности.

– Может он просто куда-то уехал, – предположил Сергей Иванович.

– Согласна! – тут же поддержала его Нина Степановна. – Давайте просто будем радоваться, что у нас появилась возможность пожить спокойно.

– А я не согласна! – взвизвала Лариса Павловна. – Нужно что-то делать! – она строго посмотрела на участкового.

Сергей Иванович вздохнул, сделал шаг ближе к двери и, скорее из усталости, чем из намерения, опёрся на неё плечом.

Дверь легко, почти обиженно, открылась. Не распахнулась – именно открылась. Как будто давно ждала.

В подъезде раздался коллективный вдох. Кто-то ахнул. Кто-то перекрестился. Кто-то прошептал:

– Я же говорила...

– Стоять! – резко сказал участковый.

Лариса Павловна, уже сделавшая шаг вперёд, попыталась его обойти.

– Сергей Иванович, ну что вы, вдруг там...

– Лариса Павловна! – повысил он голос впервые за вечер. – Если вы сейчас туда зайдёте, вы станете первой, у кого я буду спрашивать, почему ваши следы везде. И на вас первую падёт подозрение, если в квартире обнаружится труп.

Слово «труп» подействовало. Она остановилась, и обиженно посмотрела на участкового. Затаила обиду, потому что называть её «подозреваемой» – это проявлять неуважение.

Сергей Иванович осторожно вошёл в квартиру. Не потому что был особенно смелым – просто потому что кто-то должен был, и по долгу службы именно он должен был быть этим «кто-то».

Внутри было тихо. Такая тишина бывает не в пустых помещениях, а в тех, где что-то уже произошло.

Он сделал шаг. Потом ещё один.

Соседи остались за порогом, вытянув шеи, затаив дыхание, словно смотрели спектакль, на который их не пустили, но оставили дверь приоткрытой.

Сергей Иванович чувствовал, как напрягается спина. Как слишком громко звучат его собственные шаги. Как странно пахнет в квартире – не плохо, а чуждо.

Он прошёл вглубь. И там, в тишине, посреди комнаты, он увидел то, из-за чего тишина и стала такой плотной...

Где труп?

Тишина затянулась. Сначала она была уважительной – такой, какую люди выдерживают из вежливости. Потом стала напряжённой. А потом – подозрительной.

Прошло несколько минут, за которые Лариса Павловна успела: представить худшее, представить ещё хуже, мысленно рассказать об этом всем, кому ещё не рассказала.

– Сергей Иванович, – наконец, не выдержала она и шагнула к порогу. – Если что... я могу опознать труп.

Участковый медленно вышел обратно в подъезд.

Лицо у него было странное. Не испуганное. Не серьёзное. А скорее такое, с каким выходят из магазина, когда искали хлеб, а нашли утюг.

– Какой труп? – спросил он, пристально глядя на неё.

В подъезде стало очень тихо.

– Ну... – Лариса Павловна замялась. – Если... вдруг...

– Вы что-то знаете? – уточнил он и посмотрел на неё ещё внимательнее.

– Нет! – быстро сказала она. – Но логически...

Слово «логически» вызвало шевеление.

– Так что там?! – не выдержал кто-то сзади.

– Живой он или нет?!

– А я говорила, что это подозрительно! – растерянно сказала Нина Степановна.

– Это я говорила! – гордо осмотрела окружающих Лариса Павловна.

– Тихо! – потребовал участковый и достал телефон. – Сейчас разберёмся.

Он отошёл на пару шагов и позвонил дежурному. Говорил коротко, без эмоций, иногда поглядывая на дверь квартиры Донцева, словно она могла его подслушать.

Соседи стояли, замерев. Кто-то уже чувствовал себя свидетелем. Кто-то – участником. А кто-то – почти пострадавшим.

Позже выяснилось следующее.

Квартира Аркадия Семёновича была пустой. Не аккуратно пустой, а так, будто её пересобирали в спешке и без инструкции.

Книги были сброшены с полки, на полу валялись ручки, а посреди комнаты находилось тёмное пятно, подозрительно похожее на кровь, но достаточно неопределённое, чтобы до приезда экспертов называть его «чем-то».

Рядом – большая папка. С завязками. Потёртая. Тяжёлая. Даже на расстоянии было понятно – этой папкой пользовались активно.

Когда позже, уже официально, соседям сообщили некоторые подробности, выяснилось ещё кое-что интересное.

Аркадий Семёнович Донцев был не просто пенсионером с повышенной гражданской ответственностью. Он был председателем неофициального общества анонимных доносчиков. Организации, о существовании которой никто не догадывался, но которая, как оказалось, работала не только в их доме.

Он писал жалобы на всех. Но не от себя. А «во имя справедливости».

По косвенным признакам выходило, что кто-то очень не любил эту справедливость. И, возможно, пытался объяснить это Аркадию Семёновичу на доступном ему языке.

Папка с жалобами, судя по следам, могла служить: аргументом, инструментом и, вероятно, орудием преступления.

Тела не было. Был беспорядок, который мог указывать на следы борьбы. Была папка. И не было Аркадия Семёновича ни в каком виде, хотя он всегда был дома в семь утра.

И это означало, что спокойная жизнь дома официально закончилась. До выяснения обстоятельств.

Безопасность – 50%

После того как стало ясно, что произошло нечто по-настоящему нехорошее, в воздухе повисло чувство уязвимости. Самое неприятное из всех.

Оно не кричало и не бегало, оно просто тихо сидело где-то между почтовыми ящиками и мусоропроводом и говорило: Если уж здесь такое могло произойти, то о чём можно говорить?

А ведь это был тот самый дом, в котором, по общему убеждению, ничего случиться не могло.

Дом стоял удачно. Во-первых, он находился не у дороги, а чуть в стороне, за сквером с кривыми берёзами и лавочкой, на которой всегда кто-то сидел. Во-вторых, с одной стороны был детский сад, с другой – детская поликлиника, с третьей – полицейский участок. Контингент, как говорили жильцы, «не криминальный». В-третьих, район был старый, обжитой, без сюрпризов. Здесь не селились внезапно и не исчезали без объяснений – если кто-то пропадал, то об этом знали все.

Подъезд, в которой проживал пропавший Донцев, был спокойным, но в то же время и не скучным болотом.

Супруги Капустины, например, были людьми аккуратными. Он – вечно что-то чинил, она – вечно знала, что именно он чинит неправильно. Они не вмешивались без необходимости, но на каждый праздник старались создать «атмосферу».

Нина Степановна из пятидесят второй была человеком наблюдательным, принципиальным, и чувствующим ауру, но ещё не на пенсии, поэтому уделять внимание она могла не всем аспектам жизни дома. Она редко ошибалась и никогда не сомневалась. Если Нина Степановна говорила: «Этот человек подозрительный», то подозрительным он становился официально.

Мужчина в спортивном костюме, которого никто толком не знал, служил живым доказательством того, что чужих тут замечают сразу. Он жил здесь полгода, но всё ещё оставался «новеньким». Каждый его выход во двор сопровождался внимательными взглядами и лёгким внутренним вопросом: «А куда?». Впрочем, он был безобидным хотя бы потому, что работал в школе физруком, а Нина Степановна сказала, что от него идёт тепло.

Само собой, Лариса Павловна. Она была всегда на страже порядка. Если в подъезде появлялся новый человек, она знала: на каком этаже он был, к кому пришёл, сколько раз вышел, и с каким выражением лица.

Были и другие. Пенсионеры с режимом. Молодые родители с графиками. Немолодые супруги, которые держались обособленно, потому что считали себя ближе к бомонду. Одиноким мужчины, которые иногда водили к себе женщин, и надеялись, что их никто не заметит. Одиноким женщины, которые надеялись найти одиноким мужчин подальше от сплетен... И другие «проверенные» через ауру Ниной Степановной, и через бдительную оценку Ларисы Павловны.

Но главная причина была не в расположении. И не в архитектуре. Главная причина заключалась в Ларисе Павловне и Аркадии Семёновиче Донцеве.

Два пенсионера. Два домоседа. Два человека, которые всегда были на месте.

Мимо них не мог пролететь ни подозрительный пакет, ни незнакомый человек, ни вражеский комар без регистрации и мысленного протокола.

Были случаи, когда их бдительность действительно спасала.

Однажды они вовремя заметили запах газа. В другой раз – человека, который долго стоял у машин и «просто смотрел». Были истории, о которых потом рассказывали с уважением и добавляли:

– Хорошо, что у нас такие люди живут.

Их можно было бы назвать командой. В другой жизни они бы неплохо работали в связке.

Но нет. Они ненавидели друг друга.

Потому что каждый из них считал себя главным. Более внимательным. Более ответственным. Более нужным дому.

И теперь один из них исчез.

А значит, дом, который всегда считал себя под надёжной охраной, внезапно понял – с охраной проблемы.

Из бдительницы – в подозреваемые

Расследование началось тихо и как будто вразнобой, но жители дома почувствовали его сразу. Стало тише обычного. Хотя как раз таки теперь шуметь можно было в полную силу в пределах законно допустимого уровня и времени, так как главный доносчик исчез. Но народ не спешил пускаться в разнос. Было не по себе, ведь где-то среди них есть убийца. То, что он был именно среди них, почти не вызывало сомнения – чужих бы заметили.

Полиция опрашивала всех. Подробностей, разумеется, никому не сообщали. Подробности вообще – вещь вредная, особенно для спокойствия.

Опрашивали по очереди. Без спешки. С вежливой настойчивостью.

Ларису Павловну пригласили одной из первых. И уже через пять минут разговора она всё поняла. Подозреваемые есть. И, судя по тому, как именно ей задают вопросы – она в этом списке.

Спрашивали внимательно. С уточнениями. С интересом к мелочам, которые, по её мнению, не имели никакого значения.

– Когда вы последний раз видели Аркадия Семёновича?

– В каких вы были отношениях?

– Случались ли конфликты?

Слово «конфликты» ей особенно не понравилось. Она вышла с допроса с ощущением, что от неё ждали не ответов, а признания. Это было возмутительно.

Во-первых, разве у такого человека, как Донцев, мог быть один враг? Во-вторых, разве она – самый очевидный враг?

Он был доносчиком. Не просто бдительным. Не просто принципиальным. А системным. Он писал жалобы не по настроению, а по убеждению.

А она никогда на на кого не доносила. Она улаживала. Она сглаживала. Она договаривалась.

Если бы в доме существовала медаль «За поддержание мира», она бы носила её, не снимая. Именно благодаря ей люди не перестали здороваться. Именно благодаря ей конфликты заканчивались чаем, а не заявлениями.

И вот теперь – она подозреваемая?

Она поговорила с Капустиными. Потом – с Ниной Степановной. И с остальными жильцами.

И ей показалось... нет, она была уверена, что их допрашивали иначе. Мягче. Без этого пристального ожидания, что человек вот-вот сломается и скажет лишнее. А ведь у них поводов было не меньше. А у кого-то – и больше.

Капустины терпели жалобы годами. Нина Степановна однажды месяц доказывала, что занавеска у неё висит «по нормативу», Донцева она терпеть не могла, говорила, что с выходом на пенсию, у него испортилась аура, и она была бы счастлива, если бы эта тёмная личность исчезла.

А Лариса Павловна? Она даже тело бы не смогла перетащить. Чисто физически. А если говорить о сообщниках – это вообще смешно. Она никому не доверяла поливать цветы, когда уезжала. Не потому что вредная, а потому что другие могли что-то испортить, что-то украсть, пустить слухи.

Какие сообщники? Какой труп? Нет, полиция тут явно ошибалась.

И чем больше Лариса Павловна об этом думала, тем яснее становилось: если они так легко записали её в подозреваемые, значит, настоящего понимания ситуации у них пока нет.

А значит – кому-то придётся это понимание обеспечить. И, по всей видимости, этим кем-то будет она.

Блокнот

Решение пришло к Ларисе Павловне не внезапно, а основательно – как всё важное в её жизни. Она сходила в магазин канцтоваров.

Не в ближайший, а в тот, где «нормальные тетради», потому что для серьёзного дела нужен серьёзный блокнот. Она долго выбирала, стучала по обложкам, нюхала бумагу (на всякий случай) и взяла строгий, в клетку, без рисунков. Такой, в котором глупости писать стыдно.

Дома она аккуратно подписала первую страницу: «Дело Донцева». И сразу почувствовала, что ситуация перешла под контроль.

Ночью она не спала. Много думала. Сначала просто вспоминала. Потом – сопоставляла. Потом начала писать.

Список подозреваемых получился быстро. Подозреваемых, как она справедливо рассудила, у Аркадия Семёновича было много, но начинать нужно с очевидных.

1. Соседка сверху. Её данные Лариса Павловна написала и сразу подчеркнула.

Лидию Михайловну трижды штрафовали за шум стиральной машины, естественно, по наводке Донцева. Абсурд ситуации заключался в том, что соседка была глухая. Не полностью, но без слухового аппарата ничего не слышала, да и с аппаратом слышала не очень хорошо. Стирала она, по её словам, «как все», но Донцев утверждал, что её стиральная машинка «ведёт себя вызывающе». Дочери несчастной женщины пришлось купить ей новую машинку, что, конечно, не добавило лояльности к Аркадию Семёновичу.

Логика Ларисы Павловны была простой: человек, которого регулярно наказывают за то, чего он даже не слышит, рано или поздно сорвётся.

Мотив – накопленный. Алиби – сомнительное, потому что машинку-то уже сменили. Но кто знает, что там у неё в голове накопилось.

2. Участковый. Здесь Лариса Павловна долго сомневалась, но честность победила.

Аркадий Семёнович писал и на Сергея Ивановича. То «не так отреагировал», то «не в то время пришёл», то «недостаточно строго отнёсся к жалобе».

Часто рабочий день участкового начинался и заканчивался Донцевым. А уставший человек – опасный человек. Особенно если он живёт в соседнем подъезде, знает расписание всех жителей дома, и знает, как расследуются преступления – то есть ему проще замечать следы.

Лариса Павловна, впрочем, сделала пометку: «Вряд ли. Не его стиль. Но нервы у всех мало у кого железные».

3. Бывшая жена Донцева. Тут мотив был почти классический.

Развод случился через несколько лет после выхода Донцева на пенсию. Он заподозрил измену. Доказательств не нашёл, но это его не остановило.

Он написал донос. Официальный. С формулировкой «неподобающее поведение».

Не из жадности – из принципа. Измена не подтвердилась. Зато неприятный осадок остался. Флирт, по его мнению всё равно имел место быть. В качестве компенсации морального ущерба, он оставил себе памятные сувениры.

Бывшая жена этот принцип не оценила, и периодически устраивала ему разборки, виделись они регулярно, так как та жила недалеко.

Какие именно сувениры не поделили при разводе, Лариса Павловна не знала, но была уверена – женщина, которой не отдали её вещи, может долго вынашивать план мести. Очень долго.

4. Местный блогер. Молодой. Активный. С камерой.

Аркадий Семёнович писал на него жалобы быстрее, чем тот успевал выкладывать видео. Не нравилось Донцеву, что Максим снимает личную жизнь, переходит границы, бездельник, хам, проявляет неуважение.

Мотив – профессиональный. Блогеру мешали работать. Мешали жить. Мешали развиваться. А молодые люди, как считала Лариса Павловна, не умеют терпеть.

5. Директор управляющей компании. Отдельная строка. С восклицательным знаком.

Человек, которому Донцев писал жалобы... на управляющую компанию, которую тот же человек и возглавлял.

Это была уже не бытовая вражда, а философская. Здесь речь шла о принципах. О власти. О том, кто в доме главный.

6. Нина Степановна. Напротив её имени Лариса Павловна поставила много вопросов. Разве может человек, который разбирается в ауре, кого-то убить?

Но ничего нельзя исключать. Довести и святого можно. А у Донцева были все возможности, чтобы довести и святого.

На Нине Степановне Лариса Павловна решила остановиться. Если уж её сюда за уши притянула, то подозреваемых может быть бесконечно много.

Она перечитала список несколько раз, осталась довольна и закрыла блокнот.

На рассвете она уснула. Спала крепко. Глубоко. Как человек, который, наконец, сделал всё, что мог.

Весь следующий день она проспала, как убитая.

А вечером её разбудил резкий звонок в дверь, от которого она подскочила так, словно её долбануло током. Посмотрев на часы, она поняла, что время позднее, хороший человек не будет идти в гости. Значит – криминал. Может, кто-то почувствовал в ней опасность, и хочет избавиться так же, как и от Донцева?

Следующая жертва

Пока она раздумывала, позвонили ещё. Этот звонок был не просто звонком – он был уверенным. Так звонят люди, которые знают, что им откроют. Или те, кто собирается войти и без приглашения.

Сердце у Ларисы Павловны ухнуло вниз и там задержалось.

«Следующая – я, – спокойно и отчётливо подумала она.»

И тут же вспомнила про блокнот. Она метнулась по квартире, оглядываясь, как в плохом шпионском кино, и сунула блокнот в духовку. Место показалось ей надёжным: туда она заглядывала редко, а если и заглядывала – то не за уликами. А кто из гостей будет заглядывать?

Потом она вспомнила про гантель.

– Ну что ж, – сказала она себе. – Если что, так хоть постою за себя.

Гантель была тяжёлой. Очень. Не убавила в весе с того самого утра, как пропал Донцев. Лариса Павловна подтащила её к двери, пыхтя и злясь, и только потом сообразила, что если придётся отбиваться, поднять её будет проблематично. Но отступить было поздно.

Звонок ещё раз повторился. Лариса Павловна глубоко вдохнула, перехватила гантель как смогла и распахнула дверь.

На неё накинудись.

– Слава Богу, живая! – выкрикнула Нина Степановна и обняла её так, будто Лариса Павловна уже успела побывать на том свете и вернуться.

Сгруппироваться Лариса Павловна не успела. Сообразить – тоже. Гантель выскользнула из рук и с глухим стуком упала ей почти на ногу.

– А-А-А-А! – завывала она так, что в подъезде, наверное, дрогнули стёкла.

Хотя ногу не задело, но моральная боль была яркой. Осознанной. И сразу после этого – тьма. Лариса Павловна рухнула, ударилась головой о стену и отключилась.

– Господи! – закричала Нина Степановна и схватилась за голову. – Я же как лучше!

Она тут же набрала скорую.

Удивительно, но та приехала быстро. Настолько быстро, что это заметил Сергей Иванович, как раз возвращавшийся домой с приятным ощущением, что ничего плохого сегодня уже не будет.

Он, разумеется, пошёл туда, куда пошли медики. Всё-таки он должен быть в курсе всего происходящего здесь. Каждая новая ситуация могла дать подсказку к той самой ситуации с Донцевым.

В квартире он увидел Ларису Павловну, лежащую без сознания. То есть, формально – без сознания. На самом деле, она уже пришла в себя, но решила не подавать виду.

«Посмотрим, – подумала она. – Кто и что скажет.»

– Я пришла проверить, – горячо объясняла Нина Степановна. – Она за весь день ни разу не вышла! Обычно выходит. Тем более сейчас – СИТУАЦИЯ! Новостями же надо делиться! Я звонила – не отвечает. Я подумала... ну вы понимаете... как Донцев... – она всхлипнула. – А тут она живая. С гантелей. Я обрадовалась, а она... упала...

Сергей Иванович смотрел на Нину Степановну внимательно. Слишком внимательно. Лариса Павловна, лёжа с приоткрытыми глазами, отметила это с удовлетворением.

«Не зря, – подумала она. – Очень даже не зря.»

Но тут же возникла другая мысль, гораздо менее приятная.

«А что, если Нина Степановна всё это придумала? Что, если гантель – не случайность? Что, если это был план, а не радость? Может, я этой гантелей сорвала этот план. Верить никому нельзя, – решила Лариса Павловна окончательно.»

Когда медики начали суетиться, она слегка застонала – для правдоподобности. В любом случае, решила она, самое безопасное место сейчас – не дома. Лучше эту ночь она проведёт в больнице. Подальше от соседей. И от правды, которая слишком близко подошла к двери.

О пользе травм и вреде пиццы

Ночь и следующие полдня Лариса Павловна провела в больнице. И провела их с пользой. Во-первых, она считала, что спасла свою жизнь, её ведь могли убить, как и Донцева. Во вторых, в больнице можно спокойно размышлять над тем, кто мог убить Донцева. Правда, нужно было бороться за право находиться в больнице. Пришлось настоять на обследованиях. На всех.

– Раз уж я здесь, – объясняла она врачу, который сказал, что её можно с чистой совестью отпустить домой. – Надо проверить всё! А то вдруг это знак. Организм, знаете ли, намекает.

Организм, по мнению персонала, намекал только на то, что пациентка активная. Ларисе Павловне проверили давление, сахар, сердце, печень, почки и, заодно, отношение персонала к пожилым людям. Отношением она осталась недовольна.

– Я что, сама себя должна обслуживать? – возмущалась она. – Я, вообще-то, больная!

Персонал вздыхал. Но слушал. После обеда отделение уже жило по её расписанию. Кто куда идёт, кто что приносит, кому срочно нужен ещё один анализ «на всякий случай».

А потом приехали дочь и зять. Они поговорили с лечащим врачом, спокойным мужчиной с лицом человека, который видел всё и больше ничему не удивлялся.

– Оснований держать вашу маму у нас нет, – сказал он. – Анализы в норме. Сознание ясное. Место занимать не надо.

Это всё дословно дочь передала матери, и Ларисе Павловне слово «занимать» не понравилось.

– Это я, значит, занимаю? – уточнила она.

– Мама, ну давай объективно смотреть на вещи... – дочь пыталась говорить с матерью, как со своими учениками. – Доктор не хотел ничего такого сказать... – поправила очки она.

– Очень даже хотел! – возмутилась Лариса Павловна.

Но, как бы она не отбивалась, домой её всё равно забрали. По дороге она жаловалась, что в больнице плохо кормят, супы без мяса и без души, котлеты подозрительные, а она – голодная.

В итоге заехали за пиццей. Хотели по-человечески поесть дома, обсудить всё спокойно. Но были пробки – много и долго. Лариса Павловна громко страдала от голода и возмущения, но это не помогало – движение не ускорялось.

Когда они, наконец, доехали, пицца была холодная, как отношение врачей к её обследованиям. Дома Лариса Павловна первым делом включила духовку.

– Надо разогреть, – сказала она и тут же, с воодушевлением человека, накопившего материал, начала рассказывать.

Про Донцева. Про папку. Про подозреваемых. Про то, что она, по сути, следующая. И дочь, и зять слушали сдержанно – как в первый раз, как будто по телефону мать это уже три раза не пересказала.

– Мам, – осторожно сказала дочь. – Ну подожди. Человек пропал. Это бывает. Не обязательно сразу...

– Бывает?! – возмутилась мать. – Он не просто пропал! Он системно писал жалобы! А я тоже делала замечания соседям. Ты знаешь, что мы никогда не знаем, кто из нашего окружения окажется маньяком. Даже самые близкие... – и она с подозрением посмотрела на зятя.

Если бы точно не знала, что у него было алиби, наверняка и его бы записала в подозреваемые. Но он был с женой и ребёнком, и это не могло подвергаться сомнению.

– Надо дождаться окончания расследования. – добавил зять примирительно. – Полиция разберётся.

– Полиция, – фыркнула Лариса Павловна. – Во-первых, они меня подозревают! А, во-вторых, полиция тоже может быть причастна!

В этот момент раздался треск. И запах. Запах был отчётливый. Горелый.

Лариса Павловна побледнела.

– Вот! – прошептала она. – Началось.

Первой мыслью было – покушение. Второй – война. И тут она вспомнила.

– Блокнот! – закричала она и кинулась на кухню.

Распахнула духовку, стала полотенцем тушить блокнот... и сама бы вместе с ним сгорела, если бы не зять, который оперативно кинулся всё тушить.

Лариса Павловна устало села на стул, с грустью посмотрела на блокнот, за который выложила свои кровные 550 рублей... и тут её осенило...

Новые подозреваемые

Блокнот выглядел плохо. Он не сгорел полностью – скорее пережил трагедию. Края обуглились, обложка покоробилась, страницы стали волнистыми и пахли так, будто в них пытались приготовить ужин.

Но в этот момент Ларису Павловну это не волновало. Озарение пришло не красиво, не вспышкой, а так, как приходят все важные мысли – через запах гари и раздражение. Она сидела на стуле, глядя на духовку, и вдруг вспомнила.

За несколько дней до исчезновения Донцева у него горела проводка. Событие было заметное. Во-первых, пахло. Во-вторых, прецедент – в их доме ещё никогда ничего не горело.

Что он там делал – загадка. То ли переписывал жалобы всю ночь, включив сразу все лампы. То ли неудачно опробовал новый чайник, который ему подарил товарищ на Новый год, и о котором Аркадий Семёнович не раз нелестно высказывался – как о дешёвом ширпотребе. О товарище, кстати тоже высказывался в негативном ключе – явно передарил чей-то плохой подарок, то есть плохой товарищ.

Как бы там ни было, но факт был – проводка не выдержала.

Приходил электрик. Молчаливый. С инструментами. Осматривал долго.

А потом приходил пожарник, и Донцев установил в квартире пожарные датчики. И началось. Он советовал эти датчики всем. Настойчиво. Нагло.

– Дом старый, – говорил Донцев с выражением человека, который всё уже понял. – Проводка ни к чёрту. У кого-нибудь переклинит – и весь дом спалите.

Он произносил это так, будто радовался. Но жильцы не поддались. Никто не собирался тратить на «какие-то датчики». Тем более по совету Донцева.

И вот теперь Лариса Павловна стояла на кухне, среди дыма, и чувствовала, как пазл начинает складываться.

А что если...

Что если электрик был не просто электриком? Или пожарник – не просто пожарник? Особенно – пожарник. Разве электрик не может установить датчики? Вдруг эти специалисты были подосланные?

Или даже более банально – зная Донцева, если ему не понравились выполненные работы, или просто эти мастера, он же мог написать на них жалобы. А они, может, люди неуравновешенные... Кстати, Нина Степановна их не видела, и оценить ауру не могла...

Пока дочь мыла духовку, бурча что-то про «экстремальное хранение документов», а зять разогревал пиццу на сковороде, Лариса Павловна молчала.

Но в голове она уже перебирала варианты. Вспоминала лица. Интонации. Слова. Слишком много совпадений.

Кстати! Она вдруг поняла, что директор управляющей компании не мог лично убить Донцева. Только сейчас она вспомнила, как Аркадий Семёнович, после случая с проводкой жаловался, что директор нашей компании, как будто специально, ушёл в отпуск. А вдруг специально? Чтобы обеспечить себе алиби? Подослал своих людей... Вдруг он заказал убийство?

Лариса Павловна еле дождалась, когда дочь с зятем уйдут. Закрыла за ними дверь, тут же развернулась, и потянулась к телефону.

– Сергей Иванович, – сказала она решительно, как человек, который не сомневается. – Вы там, случайно, не расслабились?

Потому что дело Донцева она отпускать не собиралась.

Активная позиция – не алиби

Хотя Сергей Иванович не был расслабленным, и дел у него было выше крыши, он выслушал Ларису Павловну до конца. Не перебивал. Но иногда зевал, благо, видеосвязью Лариса Павловна пренебрегала, и можно было не только зевать, но и заниматься своими делами. Всё равно, что полезного она может сказать?

Но сказала – благодаря ей появились ещё подозреваемые. И эта новость участкового совсем не обрадовала. Он бы предпочёл вывести на чистую воду кого-то из уже имеющих, а не подключать ещё людей. Хотя... в этой активности пожилой женщины было что-то... Она активно пыталась повесить на кого-то роль преступника, словно хотела доказать, что это не она. А как известно, на воре и шапка горит.

Сергей Иванович пообещал зайти после работы, чтобы узнать подробности. Вечером он устало сидел на кухне Ларисы Павловны, пил чай без сахара (потому что сахар, по её мнению, вреден), и слушал. Иногда делал пометки – скорее для вида, чем по необходимости. Про электрика. Про пожарника. Про проводку. Про датчики. Про управляющую компанию. Сам следил за выражением лица активистки, стараясь подметить мельчайшие подробности.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Найдём. Допросим.

Лариса Павловна выдохнула. Вот. Наконец-то. Сейчас он скажет что-нибудь вроде «вы нам очень помогли».

Но вместо этого участковый поднял глаза и сказал:

– Скажите, Лариса Павловна... вы ведь всегда за Донцевым следили?

Слово «следили» прозвучало неприятно.

– В смысле – следила? – насторожилась она.

– Ну... вы же бдительная. Всё слышите. Всё знаете. Не конкретно за ним, но за ним в том числе, – он чуть наклонился вперёд. – Странно, что вы не слышали шума.

– Какого шума? – опешила Лариса Павловна.

– Судя по обстановке в квартире Донцева, его били. Долго. Вещи разбрасывали. Это не ювелирная работа, то есть происходит не тихо..., – он помолчал. – Где ваша бдительность была?

Лариса Павловна язык проглотила. Она сидела и смотрела на участкового, чувствуя, как внутри что-то медленно и неприятно оседает.

А ведь и правда. Она должна была слышать. Она всегда слышала: лифт, шаги, чужие телевизоры, стиральные машины, даже иногда разговоры через стены. А тут – ничего.

– Ну... – сказала она, наконец, наспех выдумывая. – Я тогда... плохо себя чувствовала. Давление. Погода. Отключилась, видимо, в то самое время.

– Понятно, – сказал участковый слишком спокойно. – А в какое то самое? – как бы равнодушно спросил он, делая очередной глоток.

– Ну, когда его били, – с важным видом ответила Лариса Павловна. – Если логически размышлять, то получается, что так уж совпало.

– Да уж, – глубокомысленно вздохнул Сергей Иванович. – Трагическое совпадение.

И на этом разговор закончился. Участковый ушёл, оставив за собой шлейф недоказанности и грязную чашку.

Лариса Павловна проследила в окно, как Сергей Иванович скрылся в соседнем подъезде, быстро покинула квартиру, и сразу же направилась в супермаркет.

Она спешила. Нужно было срочно купить новый блокнот. Не «правильный», а любой. Пока не забыла важное. Пока мысли не разбежались.

По дороге она шла быстро, почти бежала, и думала. А вдруг... Вдруг она теряет сноровку? Она сплюнула через плечо. Нет-нет. Не надо. Но мысль уже засела.

А вдруг у неё начинается слабоумие? Сначала по мелочам. Вот, например, включила духовку, и забыла, что положила туда блокнот. Раньше не забывала... Но с другой стороны, и не клала в духовку ничего такого... Но всё равно – очень подозрительно.

Если это начало, то потом что?

В супермаркете она схватила первый попавшийся блокнот, даже не посмотрев на обложку. Дома она села за стол, открыла его и крупно написала: «Подозреваемые». И, не раздумывая, под пунктом номер один написала... своё имя.

Попытка быть объективной

Лариса Павловна долго смотрела на своё имя. Смотрела так, будто оно могло начать оправдываться само. Она даже наклонила голову, прищурилась, словно это помогало разглядеть в нём что-то новое.

Потом спокойно, аккуратно дописала всех остальных подозреваемых – тех самых, что были в сгоревшем блокноте. Почерк вышел ровный, уверенный, без нервов. Это её немного успокоило.

Она перечитала список один раз. Потом второй. Потом третий – уже с карандашом в руке. И уверенно вычеркнула своё имя.

– Нет, – сказала она вслух. – Я себя знаю.

Слабоумие у неё не начинается. Она помнит мелочи. Она помнит, кто кому должен кастрюлю с девяното третьего года. Она помнит дни рождения людей, которые ей не нравятся.

А сгоревшему блокноту вообще легко найти объяснение. Она была голодная. Между прочим, голодные люди могут съесть и жареное, и сырое, даже блокнот, если сильно прижмёт. А она просто хотела быстрее разогреть пиццу.

Так что – нет. Голова у неё работает.

Но шум. Почему она не слышала шума?

Лариса Павловна перевернула страницу и написала: «День исчезновения». Она глубоко вдохнула и начала вспоминать.

Последний раз она видела Донцева накануне. Утром. У почтовых ящиков. Он стоял, как всегда, слишком близко к ящикам, будто охранял их от жильцов. В руках у него была папка.

– Опять квитанции перепутали, – сказал он с упрёком, как будто Лариса Павловна лично этим занималась.

– Аркадий Семёнович, – сказала она. – Вы бы о здоровье подумали.

– О здоровье дома надо думать, – ответил он. – А у нас подъезд в плохом состоянии.

Они поспорили о том, кто должен следить за лампочкой на лестнице. Он считал, что специалист из управляющей компании. Она – что каждый жилец может взять лампочку под свою ответственность. То есть кто первый увидел, тот и заменил.

– Ну, конечно, – съязвил Аркадий Семёнович. – Кто первый увидел, тот и сделал вид, что ничего не заметил. А лично вы сами полезете менять лампочку?

– Во мужики пошли, – фыркнула Лариса Павловна. – Всё на женщин.

Разошлись недовольные, но без скандала. Как обычно.

Дальше день пошёл странно. Но это только теперь она начала осознавать.

Она пошла в поликлинику, но перепутала дни и оказалось, что приёма нет. Зашла в аптеку, купила витамины, которые ей посоветовал телевизор. По дороге домой встрелила мужчину в спортивном костюме. Он молчал. Она – тоже. Но ощущение было неприятное.

Дома она решила помыть окна. В начале марта. Потому что солнце неожиданно засветило. Пошла за тряпкой, но, увидев на столе печенье, решила выпить чай. Чай она всегда пьёт в компании с телевизором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.